

Во второй раз в том же месте и в той же сцене. Игра ушэна оставалась безупречной.

Чтобы уклониться от кулака красавчика, ушэн пригнулся, используя смену позиции, чтобы сгладить сцену. Но красавчик, промахнувшись, замахнулся еще раз.

Выражение лица ушэна мгновенно изменилось.

Красавчик сделал это специально, да и выглядело это слишком очевидно.

Увидев их противостояние, менеджер Ван Тао нахмурился, но стерпел.

Линь Чэн становился старше, и контракт скоро истекал. Сотрудничество не складывалось, и Ван Тао был уверен, что Линь Чэн не продлит договор. Честно говоря, он презирал Линь Чэна. Тот несколько раз не слушался его совета, а в этой индустрии люди с ложным высокомерием не имеют будущего.

По сравнению с этим...

Взгляд Ван Тао переместился на мужчину в белом костюме.

Послушный, молодой, сноровистый, с внешностью, соответствующей нынешним трендам. Хотя он был еще новичком, но уже набрал множество фанатов через музыкальное шоу, что было гораздо лучше, чем Линь Чэн, который годами прозябал в тени.

Он прекрасно знал, кого выбрать.

Уверен, любой бы поступил так же.

Линь Чэн, прижимая руку к животу, поднялся. Губы были сжаты в тонкую линию.

Режиссер хлопнул по столу и крикнул:

— Еще раз!

Он не собирался вмешиваться. Сотрудники быстро засуетились, готовясь вернуться на позиции. Но из толпы зрителей раздался вопрос:

— Совесть у вас совсем отпала?

Все взгляды устремились в ту сторону.

Ван Цзэвэнь, указывая на красавчика, выпалил:

— Кто утвердил ваши роли? Выбирали их задницей? Кто ты такой? Лицо никудышное, игра никакая, да и совести нет. Как ты вообще сюда попал? За счет своей беспринципности?

Все замерли, никто не ответил.

Ван Цзэвэнь саркастически усмехнулся:

— Если снимаете кино, то снимайте нормально. Чего вы тут вытворяете? На улице, при всех, и вы позволяете себе такое? Откройте глаза и посмотрите, в каком обществе мы живем! Вы что, из старого общества вылезли? Знаете, что государство такое не разрешает? Назовите мне свое начальство! Такие крутые, да?

Красавчик покраснел, превратившись в «рыжего», и бросился вперед с криком:

— Кого ты обзываешь?!

Ван Цзэвэнь, разозлясь еще сильнее, вспомнив свои проблемы на площадке, решил выплеснуть злость на него.

— Тебя и обзываю! Сам не понял? Ты какой звезда, чтобы тут важничать? Набрал парочку фанатов и уже бог? Такой ты крутой, почему не пойдешь в тюрьму и не померишься силами с братками? Сколько вещей у Пинжу ты украл, чтобы так вести себя? Этим лоскуткам твое широкое лицо не скрыть! Ты обижаешь трудяг, если есть смелость устроить засаду, давай выйдем один на один! Смеешь? Трус!

Режиссер наконец пришел в себя и закричал:

— Кто такой? Выводите его!

Охранники двинулись к нему.

— С какой стати я должен уходить с общественной территории? У тебя есть полномочия? Ты режиссер, но на площадке развел распустил, потакаешь этим хамам — я сказал, кто тронет! Разберись!

Ван Цзэвэнь гаркнул, сверкнув глазами на тех, кто приближался, а потом ткнул пальцем в Линь Чэна:

— Ты! Чего здесь терпишь? Иди лучше батат продавай, чем в мусорной куче сидеть! Вокруг одни мухи, деньги эти не воняют? Идем со мной! Я тебе устроюсь!

Режиссер встал, швырнул подручные предметы и заорал:

— Чего уставились? Не обедали еще? Все на места! Охрана, выведите его!

Линь Чэн, который до этого молчал, словно его и не было, наконец произнес:

— Я не буду сниматься.

Его голос был спокоен, простая констатация факта, по нему нельзя было понять ни радости, ни гнева.

Режиссер не воспринял его слова, продолжая яростно командовать:

— Где оператор?!

Ван Цзэвэнь, напротив, торжествовал:

— Он не будет сниматься, слышали? Продолжайте снимать пейзажи!

Линь Чэн снял куртку, взял лежащий рядом пуховик, застегнул его на все пуговицы, укутав свое худощавое тело, и глубоко выдохнул.

Режиссер наконец опешил, повернувшись к нему:

— Что ты сказал? Что только что сказал?

Линь Чэн поднял глаза и спокойно повторил:

— Не буду сниматься. Ваша съемочная группа бессовестна.

Режиссер глубоко вдохнул, едва не сходя с ума от злости, огляделся и прошипел:

— Где менеджер? Твой менеджер!

Ван Тао, с мрачным лицом, выбежал вперед, заискивающе улыбаясь режиссеру.

— Он хочет расторгнуть договор! Посчитай убытки группы и скажи ему, сколько он должен выплатить!

— Я не подписывал контракт, — голос Линь Чэна стал ледяным. — Разве вы не переиначили мою роль в последний момент?

Режиссер снова замер, а потом злобно уставился на Ван Тао.

Ван Тао горько усмехнулся, с черным лицом подошел к Линь Чэну, собираясь отчитать его.

Линь Чэн не смотрел на него, спрятав руки в карманы. Его карие глаза в зимнем солнечном свете казались особенно мягкими. Он заговорил первым:

— На следующей неделе я расторгаю договор, так что обращайтесь ко мне тогда. Я уйду.

Ван Тао действительно ничего не мог с ним поделать. Именно поэтому он и смог отобрать у него роль.

— Ты с ума сошел, Линь Чэн? — Ван Тао пошел следом, понизив голос и сжимая ему руку. — Уходишь сейчас — значит, против меня идешь.

Линь Чэн спокойно ответил:

— Ага.

Он уже перешел дорогу.

— Забавно, — Ван Цзэвэнь, послушав их, саркастически усмехнулся. — Чего тут базаришь? Не видишь, человек тебя игнорирует? «Расторгнуть договор» не понимаешь? Кем себя возомнил?

Ван Тао посмотрел на него с ненавистью:

— Ты вообще кто такой?

Ван Цзэвэнь, который сейчас был готов разобраться с каждым, усмехнулся:

— Тебе какое дело?

— Я своим артистом управляю, тебе какое дело?

...

.

Линь Чэн прошел мимо двух бессмысленно ругающихся мужчин и направился в временную

палатку переодеться.

Когда он вышел, мужчина в солнцезащитных очках уже исчез, а Ван Тао угождал режиссеру. Что касается второй мужской роли — Цзи Юньфана, то он стоял в стороне, сложив руки, с видом послушного мальчика.

Линь Чэн не бросил на них больше ни одного взгляда и развернулся, чтобы уйти.

Он достал из кармана вибрирующий телефон и почти окоченевшим пальцем открыл верхний чат.

Лампочка: [Видео]

Лампочка: Снял, картинка четкая [ОК], я полдня на холоде провел, что скажешь?

Линь Чэн отправил ему красный конверт.

Лампочка: [Ухмылка] Двести всего?! Ты в порядке? На интернет не хватает!

Линь Чэн остановился, свернул чат и, прищурившись, посмотрел на мужчину, преградившего ему путь:

— Что нужно?

Голос был чистым и звонким, но в нем чувствовалась усталость, словно он не хотел произносить лишнего слова.

Тихо рассмеявшись, мужчина снял очки.

Никакого сияния, просто лицо, которое вызывало легкую зависть — благородное и мужественное.

Именно то, чего хотел Линь Чэн. Не слишком грубое, но с сильным характером.

Ван Цзэвэнь с энтузиазмом заявил:

— Возьму тебя в кино!

Голос Линь Чэна прозвучал почти одновременно:

— Не интересно.

Ван Цзэвэнь:

— ???

Авторское примечание:

Ушэн (актер боевых ролей) — принимающая сторона, режиссер — активная сторона.

Это традиционный роман о шоу-бизнесе, не реализм, не проецируй.